№ 10

МАРТ 1928 г. ШЕСТОЙ ГОД ИЗДАНИЯ ЦЕНА 15 КОП.

Рис. М. Черемных

ТУМАННО... ТУМАННО...

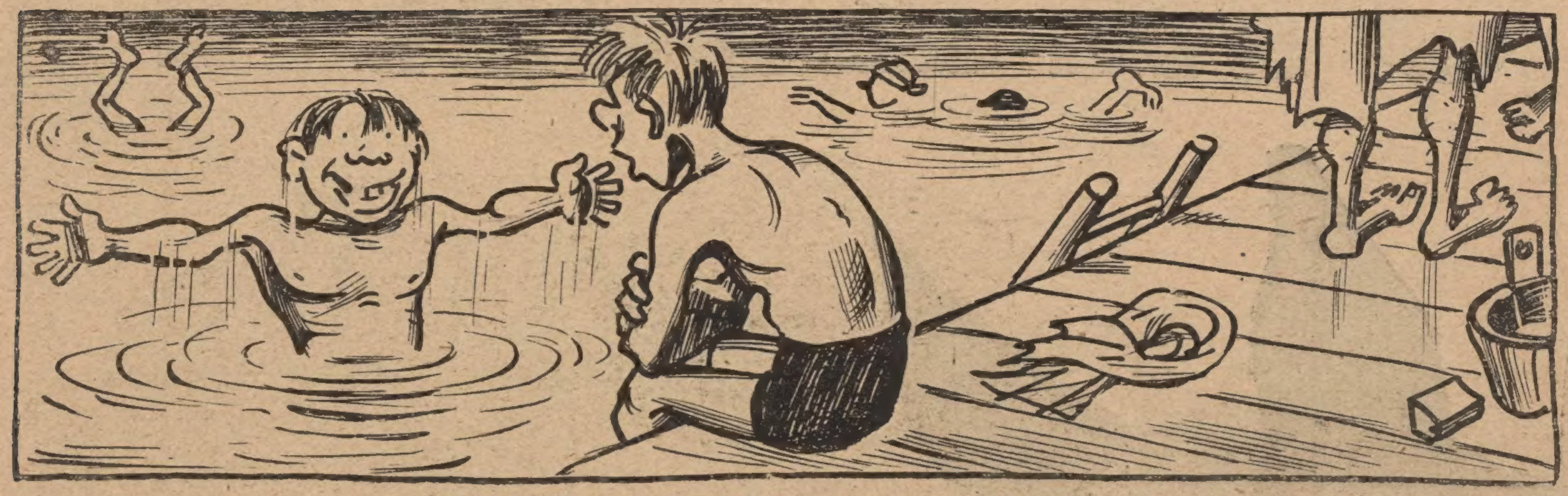
В Москве в последнее время были сильные туманы.

— Н... н... невероятные туманы... В двух шагах человеческого лица не узнаешь!..

С ЛЕГКИМ ПАРОМ!

Рис. Н. Радлова

В Москве зимние соревнования по плаванию были проведены в Сандуновских банях.

— **Что же ты радуешься? Ведь четвертым пришел!**
— **Зато в кои-то веки в бане удалось побывать!**

ВИЗИТЕР ЗЕМЧЕНКО

Строители Волховстроя рассказывали мне как-то о случае, происшедшем на постройке в 23, кажется, году. Там работали тогда монтеры-шведы, собиравшие турбины на станции.

Это были простые, квалифицированные рабочие; но по культурному своему и бытовому уровню они казались по сравнению с нашими сезонниками передовыми людьми. Они одевались, окончив работу, в опрятные штатские костюмы с галстуками, сплошь выписывали и читали газеты, занимались спортом, пили только легкое, виноградное вино и совершенно не ругались.

Однажды шведы в воскресенье купались в Волхове, раздевшись и оставив праздничное платье на берегу. Какой-то хулиган-подросток, подкравшись из-за кустов, нагадил в платье одного из монтеров.

Взбешенный швед, выскочив и погнавшись за ним по берегу, поймал и швырнул его в воду. Мальчишка едва не погиб, попав в полосу стремительного течения перед плотиной; его спас... тот же швед, сразу бросившийся, заметив опасность, которая ему угрожала, в реку.

Для хулигана эта история прошла безнаказанно, шведа же привлекли к ответственности и судили за „буйство". Монтер признал свою вину; но он тщетно пытался об'яснить судье, что его гневная вспышка вызвана о с к о р б л е н и е м, нанесенным его достоинству, а не тем, что ему испортили костюм. Судья говорил, пожимая плечами:

— Ну, нагадил, ну, что же? Это же отстирать можно...

Они так и не поняли друг друга...

Эта история вспомнилась мне, когда я читал письмо рабкора о случае на Омской железной дороге, на станции Колония. Мастер Земченко, напившись, зашел в местную школу, нагадил там в классах и, уходя, расписался над рвотной жижей на доске:

— Школу посетил ПД 4 Земченко.

Конечно, он не был настолько пьян, чтобы не понимать, что делает, если оставил после себя эту наглую визитную расписку на доске. Он намеренно выбрал школу, как место, с его точки зрения наиболее подходящее для пьяных извержений.

Земченко притянули к ответу, и дело о нем пошло по инстанциям. В течение года оно ходило из учреждения в учреждение, побывало и у прокурора, и в РКИ, и в профсоюзах — и ни в одном из этих мест не нашли „достаточных поводов" для привлечения мастера если не к уголовной, то хоть к общественной ответственности.

— Ну, наблевал, великое, подумаешь, дело! Это же вытереть можно!

Тщетно возмущался учитель, доказывая, что в этом выразилось, прежде всего, оскорбительное, гнусное н е у в а ж е н и е к букварю, к школе и к людям, которые работают в ней, делая трудное общественное дело; тщетно пытался рабкор, писавший об этом в местной газете, добиться чего нибудь в инстанциях; тщетно, наконец, взывала к лицам и ведомствам сама газета. Лица и ведомства остались глухи, и дело, пространствовав год, пошло на прекращение в прокурорский архив.

Визитер Земченко говорит об учителе, гоголем держась на станции:

— Вот сволочь, уж и пошутить с ним нельзя! Да я ему, сукиному сыну, если не бросит эту волынку, в другой раз в самую харю нагажу! Я ему все книжки его облачкаю, подлецу такому!..

Он чувствовал безнаказанность и, действительно, готов был привести в исполнение эту угрозу, и наблевать в учительское лицо: в чем дело, лицо тоже вымыть можно!

Возможно, что для привлечения его к уголовной ответственности не было оснований.

Хоть справедливо говорят, что был бы человек, а статья найдется, подходящей статьи, допустим, омские юристы не разыскали. Не в этом дело. Но мы ведем борьбу за к у л ь т у р н о с т ь, всячески пытаемся внушать уважение к личности и достоинству человека и работника, к чужому труду, к книге, к знанию; мы пытаемся вызвать и воспитывать о б щ е с т в е н н о е н а ч а л о в людях.

И вот приходит пьяный человек и пакостит в школе, и оставляет еще визитную карточку, что это он наблевал на книги, по которым учатся его дети, над которыми годами сидели, составляя их, другие люди, над которыми по ночам и сейчас корпит, испещряя их пометками, учитель.

Он сознательно пакостит в месте, которое должно быть уважаемо всеми, как основной источник переустройства жизни в нашей стране. Его то надо вызвать, поставить его перед лицом тысячи других людей, с которыми он работает на дороге, и сказать ему, что такие гнусные вещи в нашей стране и в наших условиях выглядят хуже, чем воровство или поножовщина.

Ему бы надо об'явить общественный бойкот, выгнать его, если он не пожелает задуматься над тем, что сделал и не поймет омерзительной сущности своего поступка, из профессиональной организации, заставить его пойти замыть свои пьяные следы и извиниться перед учителем и перед детьми. Он быстро понял бы, увидев общественный отпор, что безнаказанно делать такие гадкие вещи у нас нельзя.

Но, вот, видите ли, для всего этого не нашлось статьи. Учитель вымыться может, лужи уберет сторожиха.

Слава тебе, господи, привыкли! В старое время каждого можно было даже за три рубля по морде бить: так штрафовали за пощечину в мировых судах, так оценивалось достоинство человека. Заплатил трешницу — и бей..

Люди, разбиравшие это дело, ничего не увидели в нем, кроме рвотной пакости, которую можно убрать: для чего иначе отпускаются школе уборочные средства по бюджету? Они ничего не увидели здесь, кроме пьяной шутки, и проявили то же основное качество, что и сам Земченко: отсутствие элементарного уважения к обществу, в котором они живут и работают.

Трудно говорить при этих качествах о поднятии культурности в массах.

А. Зорич

ВСЕЧЕСТНАЯ МАСЛЯНИЦА

Антон Иваныч Кипарисиков всю жизнь облизывался на витрины с закусками и выпивкой. А выпивать он был горазд, и напивался обычно смесью водки с пивом, что на языке пьяниц зовется — „ерш".

— Эх, вот бы выиграть мне десять тысяч! Ну, пять... Ну, три... Всяких бы вин отведал всласть... Шампанеей собак бы поливал.

И вот в масляницу, на третий день, ему сказали:

— Ты десять тысяч выиграл. Вставай, чего дрыхнешь.

Раз-раз, и Кипарисиков уже в Ленинграде. На кой прах ему служба, тьфу! Знай пей, гуляй... И допился Антон Иваныч чорт знает до чего. Даже затылком треснулся о мостовую, всю память себе отшиб: надобно домой идти, припоминал, припоминал, где его квартира, так и не припомнил.

— Чорт с ней, — сказал он равнодушно. — Попробую в пивнушку зайти, авось припомню.

Завернул в пивнушку, выпил, а припомнить не может. Он к стойке. За стойкой — буфетчик, на стойке черный кот с хвостом.

— Извиняюсь, — сказал Антон Иваныч. — Я Кипарисиков, спец-счетовод из Ветропыльска. Извиняюсь, с вами не случалось, что вот вы возьмете да вдруг и забудете, где ваша квартира?

— Нет, бог миловал, — промяукал желтоглазый кот, и бутылки пробками захлопали, и стакашки зазвенели — Бог миловал, миловал...

Кипарисиков протер глаза.

— Извиняюсь, — сказал он. — А вы никогда не ударялись затылком о мостовую?

— Бог миловал,— басом ответил буфетчик, и его голова перевернулась бороденкой вверх.

— Прошу без гримас! — крикнул Антон Иваныч. — Потрудитесь привести бороду в прежнее положение! А то — в зубы!

У буфетчика отделилась от туловища правая рука, отделившись, схватила Кипарисикова за шиворот, а левая—огрела его по голове бутылкой.

Антон Иваныч от удара бежал внаклон вдоль улицы, и вдоль улицы же, потряхивая вожжами катил лихач. Раз-раз, и Антон Иваныч вскочил в сани:

— Гони веселей! Прибавлю...

— Куда?—спросила широкозадая синяя спина.

— Как это куда?! Разве не знаешь, где моя квартира, чорт некованный!

Лихач как хватит коня кнутом, конь как дернет, Антон Иваныч, вскрикнув:— Легче на поворотах!—вверх подошвами через голову—раз-раз, и что есть духу в обратную сторону внаклон, чрез кисель и снег, чрез гущу пешеходов, и с разбегу, смаху в чей-то тугой резиновый живот головизной—хлоп!

— Не видите, куда бежите!—сказала, подымаясь, духовная особа.

— Ах,— в ужасе откачнулся Антон Иваныч и прямо в папиросника.

— Пожалте! Вам каких?

— Вали весь лоток в лужу!.. За все плачу. Веди за руку в мою квартиру. Я живой, я Кипарисиков...

— Знаю,— сказал папиросник и крикнул другому папироснику: — Яшка! Айда барина отводить до Обводного канала, отведем, часы срежем.

— Вот видите, вот видите,— соболезнуя заговорил сбоку какой - то чернявый, пучеглазый, в мохнатой шапке.— Пойдемте в пивнушку,—добавил он липким, как смола, голосом.

— Ужасно темно, душно,— вздохнул Антон Иваныч.— Сегодня масляница, кажется?

— Вы угадали. А что касаемо тьмы, то вот...— чернявый крякнул уткой, и весь город вспыхнул вдруг. У Исаакия в колокол ударили. Антон Иваныч хотел перекреститься, а чернявый:

— Цыть! Не сметь!..—и шапка его полезла вверх, а сзади, сквозь шубу, вильнул облезлый хвост.— Ну-с, заказывайте пива.

Уселись, пьют.—„Это, без сомнения, чорт"— подумал Антон Иваныч. Он незаметно перекрестил палку под столом и сказав: — А у меня сестра умерла!— хлопнул чорта промеж рог. Палка, разрезав пустоту, вдребезги сразу два стакана. Чорт захохотал, дыхнув в нос Кипарисикову смрадным дымом:

— Промазали, приятель...

— Ничего, — сказал Кипарисиков.—Я попробую горизонтально,—и ударил палкой чорта по шее, под самую челюсть, с уха на ухо. Но палка, вновь прорезав пустоту, свернулась неожиданно в бараний рог.

— Послушайте! — воскликнул буфетчик.—Что вы целый час топчетесь возле меня... Что вам угодно? — лицо буфетчика опять перевернулось бородою вверх, а черный с желтыми глазами кот на стойке замурлыкал колдовскую.

— Я вторично спрашиваю вас,—весь дрожа, сказал Антон Иваныч,— неужели вам никогда не доводилось ударяться затылком?

— Бог миловал, бог миловал,—в один голос сказали кот с буфетчиком.— Пожалуйте в карету скорой помощи...

Антон Иваныч,— раз-раз — в карете. Крикнул:

— Гони веселей! Прибавлю.

Желтый дом, большая комната и тыщи сумасшедших.

— Новенького привезли, новенького!—все закричали и к нему.

— Товарищи, спасите! — закричал и он. — Я Кипарисиков, спец-счетовод. Я забыл, где моя квартира... Единственный пункт помешательства.

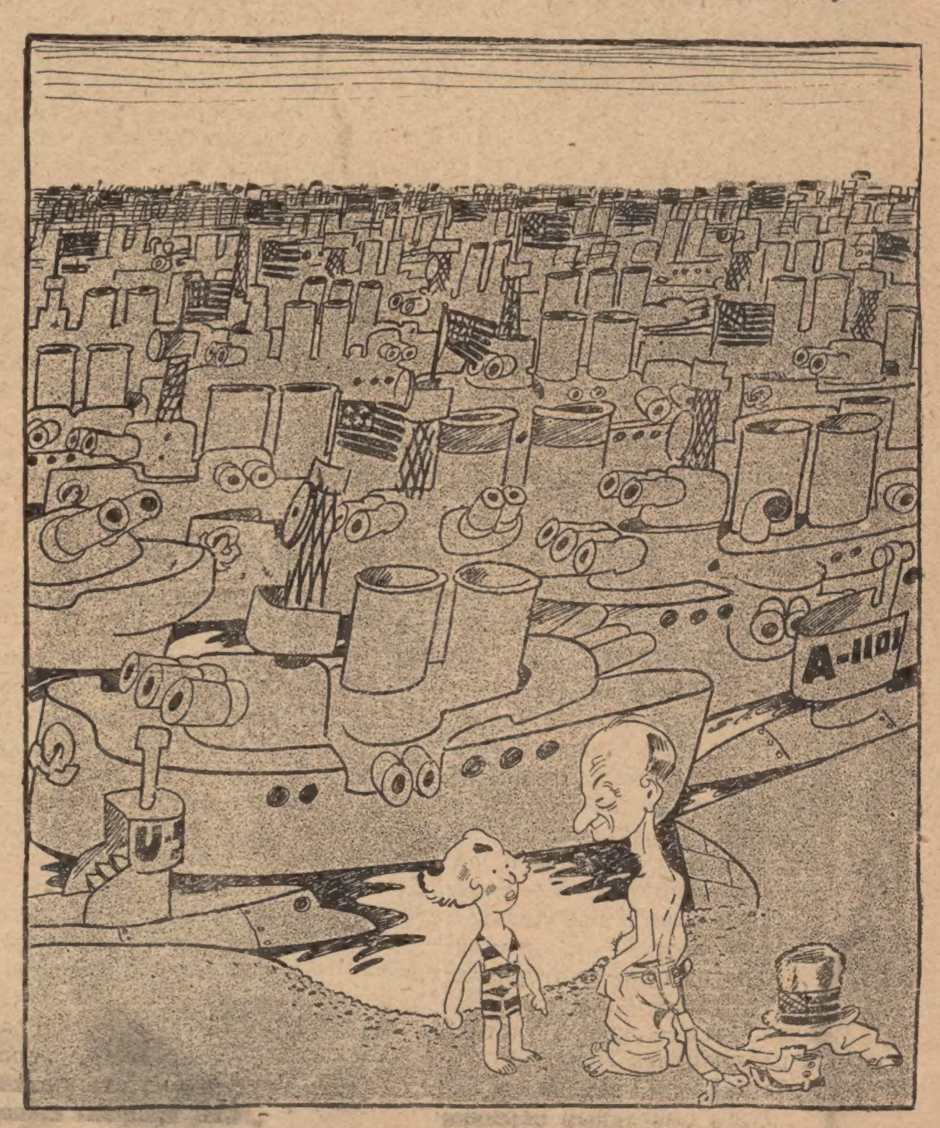
— Ха-ха-ха! — захохотали сумасшедшие, захохотали люстры, стены, потолок.— Мы тебе сейчас квартиру укажем. Ребята, хватай! — И сбросили его с пятого этажа в окно.— Вот твой пункт помешательства!.. Смотри!

Антон Иваныч ударился о землю и проснулся. Ветропыльск. Собственная комната. На столе недопитая четверть водки.

Вяч. Шишков

ПАПАША УВЛЕКСЯ

Рис. Б. Ефимова

ДОЧЬ КУЛИДЖА (отцу):—Папа, перестань разоружаться не то скоро купаться негде будет!..

НАСЧЕТ СКОРОСТИ

Рис. К. Ротова

— Вот это колесо делает 500 оборотов в минуту.

НЭПМАН:—500 в минуту? На сколько-ж его должны обложить?!

ДОМХОЗЯЙКИНА БЕДА

Будут установлены „пищевые рационы“ для различных профессий...

У хозяйки Софь-Андревны
Настроенье очень гневно;
Извелась, не спит ночей
Из-за стряпанья „харчей“:
Прежде было очень мило:
Ели все, что ни варила,
А теперь ученый люд
Ввел для всех различье блюд...
Вот супруг у ней — писатель,
Сын один — изобретатель,
Сын другой — канцелярист,
Третий сын — мотоциклист,
Дочка Маня — машинистка,
Дочка Таня — „кинь-артистка“,
Да племянничек Потап —
Клуба тайного арап...
Всем описанным персонам
Все готовь „по рационам“,—
Итого на всю семью
Дуй различных семь меню!..
Тане — с фосфором полезней,
Мане — чтобы „пожелезней“,
Вите — пищу погрубей,
Мите — ну[illegible] отрубей,
Этим нужно „с углеводом“,
Тем потребно „с углеродом“,
Этой — фруктов, той — белка,
А тому — окорока...
И кухарит Софь-Андревна
Блюд десятки ежедневно...
Тьма посуды... Воздух прян...
Прямо — словно ресторан!..
И потея над „драченой“,
Пробирает мир ученый:
„Ишь, придумал ерунду
На хозяйкину беду“!..

Ф. Благов

ГОСТИ

За столом сидят четверо: хозяин Раскатов, его жена и гости — Плешакин с женой. Плешакин и Раскатов — сослуживцы. Оба — ответработники.

Скучно. Беседа не клеится.

— А... куда вы думаете на лето? — выжимает из себя Плешакина.

— А вы? — вяло реагирует Раскатов, уставив свой взор на ледяные узоры в окнах.

— Куда-нибудь... вообще,— неопределенно показывает пальцем влево Плешакин.

— Ах, на юге чудно! Там тепло! — скрепляет Раскатова все три мысли своею.

И снова молчание... А, между прочим, темы для разговоров нашлись бы! Недаром же Раскатов, приходя домой, целый вечер ругает вслух Плешакина, и недаром-же Плешакин, не стесняясь присутствия детей, сообщает домочадцам самые позорные сведения о поведении жены Раскатова.

А в это время в детской маленький Леня Раскатов играет с Мурочкой и Костей Плешакиными во „взрослые гости“. На маленьком столике картонный самоварчик, и, держа в руках кукольные чашечки, дети бойко беседуют, повторяя то, что они слышат дома ежевечерне.

— Ну и сволочь же этот Плешакин!— басит, как папа, Леня. — И жена — тоже птичка, доложу я вам! Форменная финтифлюшка!

— Что ж! — задорно, как мама, говорит Мурочка.— Действительно, я люблю наряды, но зато у меня вкус! Не то, что у этой колоды — Раскатовой!

— А по-моему таких людей, как Раскатов, высылать надо к чертям, — вступает в разговор хрупкий Костя, поправляя отсутствующее пенснэ. — Что он на службе делает? Чай пьет по 10 стаканов да в уборную бегает... Вот и все...

И Костя увлекается, заученной назубок, папиной речью. Он говорит так долго, что детям надоедает слушать его. Леня нетерпеливо перебивает, начиная сначала:

— Ну и сволочь же этот Плешакин!

— Таких людей высылать надо!— не уступает Костя.

— А у меня вкус! Вкус! — злорадно пищит Мурочка.

Поднимается дикий шум, во время которого Леня дает Косте оплеуху. В результате общий плач.

— Дети! — раздаются вдруг строгие голоса, и на пороге появляются родители.

— Я...—плачет Леня, — говорю мм... ммм... что Плешакин негодяй, а он мм...

— А я... мм... отвечаю, что таких мм... как Раскат...

Но миг!—И Леня получает от отца новый подзатыльник, и так же поступает с Костей Плешакин. Заодно он награждает пинком и ревущую Мурочку.

Теперь уже тема найдена. Взрослые оживленно беседуют о том, как трудно нынче воспитывать детей.

— А все-таки куда-ж вы думаете ехать на лето? Об этом ведь подумать надо! Уже март на дворе.

М. Коварский

НОЧЬ В ТИБЕТЕ,

ИЛИ ИСПАНСКАЯ ИНКВИЗИЦИЯ, ЖИЛИЩЕ НЕВИДИМОЙ СИЛЫ В ПОГРЕБЕ МЕФИСТОФЕЛЯ, ГДЕ КАК БЫВШИЕ ГВОЗДИ СЕЗОНА — ПОКОЯТСЯ, НО И РАБОТАЮТ ЖИВЫЕ МЕРТВЕЦЫ— ИЛИ ТО ЖЕ САМОЕ—ЧЕЛОВЕК БЕЗ НЕРВ.

Вы, конечно, никогда не были в Тибете, в этой далекой и замечательной стране, и вы там никогда не побываете, если у вас нет лотерейного билета Осоавиахима.

Конечно, вы можете раскрыть Брокгауза на известной странице, и тогда вы узнаете, что замечательное тибетское плоскогорье перерезается Гималаями и Каракарумоми, что по стране текут зачарованные воды Брамапутры и Муруссу.

Конечно, кое-кого могут удовлетворить и эти сведения, но, по совести говоря, представление о далекой и чудесной стране — эта информация дает не совсем полное, но вот находятся люди, которые берутся за какие-нибудь гроши, в какой-нибудь один вечер провести вас по этой стране чудес, где еще жива „испанская инквизиция“, где в руинах древних замков живут невидимые силы, где живые мертвецы и люди без „нерв“...

Автор этих строк, во всяком случае, совершил такое путешествие. Он побывал в этой стране чудес, не выиграв ни кругосветного путешествия, ни ста тысяч.

Случайные и бродяжьи пути привели автора этих строк в „концертную комнату“ одесского посредрабиса.

Над „концертным столом“ висела в три полотнища и в столько же красок огромная афиша. Нет, не афиша, а путь в Тибет.

Подойдите к стене. Читайте:

> **Два художественных вечера.**
> Последние новинки заграничных театров.
> АРТИСТЫ СИМЕНС И НОРИНИ.
> ДВА ВЕЧЕРА В МИРЕ ИЛЛЮЗИИ.

Следует клише. На клише—человек в чалме и с глазами, глядящими куда то в даль, в потустороннее. Это и есть, должно быть, человек без нерв... И это он, „электрический Пьеро“, кудесник и маг, ведет вас „в страну пещер и Иогов“.

Будьте мужчинами. Великий путь начинается:

> Уголок древнего Рима. Новость. Норини в затруднительном положении,—он одновременно—на сцене, в партере и на галлерее.

> Эффектный опыт. БЫВШИЕ ГВОЗДИ СЕЗОНА на всемирном с'езде в Нью-Иорке (кого... чего... кому... чему...). Явление ПРИЗРАКА в партере.

Подождите торопиться и уставать. Путь еще длинен, и он весь выложен такими вот захватывающими актами:

> Мисс Сименс превратит сцену моментально в... парижское „кафэ“ и предложит публике выпить кофе.

От парижского „кафэ“ открывается дорога в самое таинственное. Для этого г. Норини приведет себя в состояние КАТАЛЕПСИИ. И тогда он бесстрашно будет продолжать свой путь. И вы увидите:

ФЕЮ ЦВЕТОВ В САДАХ СЕМИРАМИДЫ. ИСПАНСКУЮ ИНКВИЗИЦИЮ с живыми птицами. Кабинет Фантомасса Аристотелло—ЖИЛИЩЕ НЕВИДИМОЙ СИЛЫ В РУИНАХ ЗАМКА.

Вы устанете. Тогда волшебный Норини, который „ужасно борется со всеми тайнами и всякой чертовщиной“,—сведет вас в ПОГРЕБ МЕФИСТОФЕЛЯ и, усадив вас в тени ОГНЕННОГО ФОНТАНА из ЖИВОГО ШАМПАНСКОГО, угостит вас ИНДУССКИМ УЖИНОМ, для которого превратит мертвое яйцо в живого петуха...

— Ха-ха-ха...

Но вы рано смеетесь. Вы забываете, что находитесь в стране чудес и таинств. Вы забываете, что из этой страны нельзя уйти, не изведав ее до конца. Вы должны следовать за Норини, который есть волшебник и член союза рабис. И вы следуете за ним покорно.

Норини покажет вам АКВАРИУМ НЕРОНА ИЛИ КОЛОДЕЦ в собственном кармане.

Он сведет вас еще „в американскую красильню“. Он вам покажет еще „Метаморфозу Галатэа“. И...

И на этом месте вас ждет самое чудовищное,—подлинный лик самого великого Тибета:

> Захватывающий акт. Ночь в Тибете. Казнь ламы. Суд Линча В КИТАЕ... Смертоносная Гильотина... Снятие головы, таким образом, живому человеку с положением ее на тарелку и об'яснением секрета.

Конечно, чтобы успокоить вас, г. Норини пишет:— „снятие головы живому человеку из публики по желанию“. Но будьте уверены, что в Тибете, в пещере Иогов, ставить вопрос на голосование не принято. И может случиться вполне, что человек, которому голова будет снята с положением ее на тарелку,— будете как-раз вы...

Я не спрашиваю вас ни о том, что вы думаете об этаком способе борьбы с чертовщиной и тайнами. Я не спрашиваю вас о том, почему окрлит, кажется, ташкентский, разрешил к печатанию эту „анти-религиозную“ афишу.

Я спрашиваю вас после того, что видели:

— Хотите вы еще ездить в Тибет, в страну таинств, чудес и Иогов, где живые мертвецы и люди без нерв?..

Ал. Светлов

ТЕНЕВЫЕ СТОРОНЫ

Многие из нас совершенно не знают, что делать с получаемыми в свое время аттестатами из различных учебных заведений, а некоторые пользуются образовательным цензом в совершенно неожиданном направлении.

По словам Ю. Ларина, (из его книги о частном капитале), можно наблюсти следующее:

Кто же нас обворовывал?

По 56 только крупным процессам первого периода мы передали частнику в руки 54 миллиона рублей, а всего буржуазия украла у нас миллионов 150—200.

И интересно, что 50 проц. этих воров — госслужащих — были люди со средним образованием, а 25 процентов—даже с высшим: инженеры, техники и др.

В этом-то именно и заключалась основная ошибка многих при выборе профессии:

— Человеку прямо-бы в тюрьму попасть, а он на четыре года в университете задержался...

ПОБЕДИТЕЛЬ

Рис. Б. Ефимова

Парижский палач **Дейблер**, отказавшийся некоторое время назад от должности, взял свой отказ обратно в виду **удовлетворения всех его денежных требований.**

ДЕЙБЛЕР:— Не понимаю, почему это говорят, что в Европе так трудно выиграть забастовку? Надо только расположить к себе общественное мнение...

КУЛЬТ-СОСЕДИ

Европейская культура проникает всюду—об этом мы слышали уже давно, но лишь недавно узнали о том, какими иногда неисповедимыми путями эта культура пытается проникнуть в зловредный СССР.

Об этом — по словам „Раб. Газеты“ — наши таможенники рассказывают следующее:

Оказывается, ловкие дельцы в соседних с нами странах находят особых „родственниц“, которые за небольшую плату соглашаются проехать границу в шикарных котиковых шубах и дорогих нарядах. Здесь все это сбывается, а пассажирка, одевшись во все старое, возвращается с барышами к хозяину перевезенного добра.

По этому поводу талантливые предприниматели сих операций говорят с ужасом в глазах об СССР:

— Вы знаете, там в хорошем манто даже показаться нельзя. Сразу же надо раздеться и ехать за следующим!

НЕ ПО ПОРЯДКУ

У нас в некоторых местах в комсомоле сидят товарищи, которым по тридцать лет.

„Комсомольская Правда“.

Рис. М. Черемных

— Куда же ты, борода, в Комсомол лезешь.. Я-ж тебе говорил, Васька, что сначала в пионеры надо, а ты прямо в Комсомол попер!..

? ? ? СПРАШИВАЙТЕ

БЮРО ОБСЛУЖИВАНИЯ „СМЕХАЧА“

! ! ! ОТВЕЧАЕМ

№ 10 МАРТ 192 ГОДА № 10

СПРАШИВАЙТЕ!!!

Пора отстать от мелких мещанских вопросов современности: „Что болит, где болит, голова с похмелья? Чижик, пыжик, где ты был? Куда, куда вы удалились? Откуда умная бредешь ты, голова?“ Пора начать интересоваться точными знаниями. Их вам немедленно даст БОС.

БОС — это вуз на дому для занятого человечества. Спрашивайте нас, и мы ответим на все спокойно, ясно и мечтательно. В нашем распоряжении — элеваторы знания и холодильники опыта. Для БОС'а нет неразрешимых вопросов — он выше их.

Спрашивайте, граждане!

ЧУДЕСА ТЕХНИКИ

Провинциальная фабрика, на которую во время доставляются газеты и литература из центра. Многие в ее существование не верят. Несмотря на фотографию, мы — тоже.

ЛЕЧИТЕСЬ САМИ!

Рязань.— *Д. С-му.* „Можно ли излечиться вегетарианством от глухоты?“

Ответ. Не надо. Глухоту тогда легко загнать внутрь, что очень неудобно.

Самара.—*К. Н-ой.* „Вредны ли вообще горчичники и банки?“

Ответ. Для внутреннего употребления—нет. Попробуйте поставить себе несколько банок с вереньем. (Ставьте прямо на стол, сами садитесь пить чай и сообщите о результатах).

БЮЛЛЕТЕНЬ ПОГОДЫ

В. — Какая погода будет на этой неделе?

О. — Обратитесь в обсерваторию — мы врать не умеем!

ОТКЛИКИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЖИЗНИ

Дерево. Напоминает своими мыслительными способностями Гендерсона.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ВЗАИМОПОМОЩЬ

Чернигов.— *Б. Н-ву.* „Как мне сделаться классиком и кто этим заведует?“

Ответ. Попробуйте написать „Евгения Онегина“, или что-нибудь полегче. Классиками сейчас никто не заведует: отпущены в беспризорные.

Вологда.— *А. С.* „Как найти название романа?“

Ответ. Попробуйте по приложениям к старой „Ниве“. Берите наиболее популярное. Помогает.

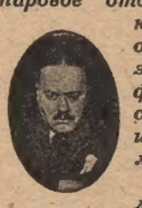
Астрахань.— *Б-ву.* „Есть ли у меня талант?“

Ответ. Наверное. А если нет — попробуйте издать полное собрание сочинений.

Курск.— *А. С. В-ой.* „Могу ли я написать большую драму для крупного театра?“

Ответ. Конечно, особенно если у вас нет сюжета и знания эпохи. Следите за тем, чтобы были акты и выходы.

МОЛОДОЙ ЖИЗНЕРАДОСТНЫЙ

человек, потерявший веру в паровое отопление, ищет компаньона для открытия музея восковых фигур или лицо, согласное переименовать фамилию.

Тут же продается небольшая партия пуха на слом. Адрес—в конторе БОС'а.

ТРЕБУЮТСЯ СЦЕНАРИСТЫ

для следующих картин:

„Пила вино и разлагалась“. Шикарная драма с вырезками и портретом режиссера.

„Бухгалтерия в профиль“. Научно-исследовательская, с аккомпанементом и без частей.

„Посмотрел гордо и дал в морду“ — веселая детская, с самоотравлением и холодным оружием.

„Боль под ложечкой“ — научная феерия с цветами, в красках и с лошадьми.

„Сон трамвая в осенний полдень“ — из быта письмоводителей — кочевников. Научная.

„НИЧТО НЕ НОВО ПОД ЛУНОЙ“.

— Что было написано на вратах Дантова ада?

— Без доклада не входить.

УГОЛОК ПОДВИЖНИКА

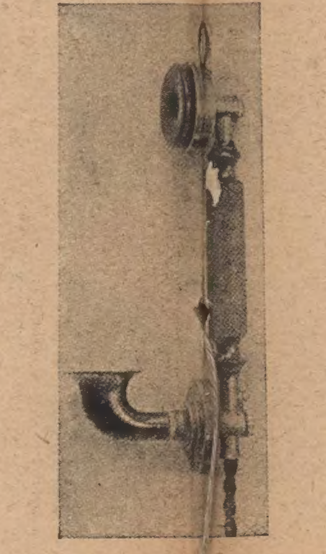

Водолазный костюм для верховой езды. Может служить также спецодежда для кинопосетителей окраиных кино, где сверху плюют.

Посылайте запрос в БОС! Отвечаем на каждый вопрос!

ДОКОЛЕ?

Простая телефонная трубка, о которой индийцы говорили, снимая скальпы с белых: выкурим трубку мира. В ее честь названа одна из Московских улиц: Трубная площадь. Не может быть использована ни как водопроводная, ни как самоварная. Будучи в действии воспринимает по проволоке все нехорошие слова.

ОТВЕЧАЕМ!!!

Международное право не касается способов сушки овощей. Собак бить нельзя. Свитер — это не придворный чин, а часть костюма: рубашка сверх жилета. Многогранные камни очень редки: дураки чаще. Шина — это покрышка от колеса; в часовом механизме колесики без шин. Из беличьего меха никто варенье не варит: это заблуждение, может быть и добросовестное. Радио-лампы не годятся для освещения уборной: там нет антенны. В радуге только семь цветов; если четырнадцать—это значит две радуги. Машинное масло на бутерброды не идет.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ВЗАИМОПОМОЩЬ

◆ Лицо, пострадавшее при хлебозаготовках, ищет менее ответственной службы. Просит поспешить с ответом, так как в данное время находится еще на свободе.

◆ На реке Псинке открыта новая ветряная мельница. Требуется два молодых человека в качестве крыльев.

МОДЫ

— Что носят на голове летом?— спрашивает нас читатель К-й.

— Разные люди — разное!— отвечаем мы.— Разносчик Ч. носит летом на голове лоток с сигами, лукошко с малиной и пр. Является-ли, впрочем, такой головной убор последним криком моды, мы не знаем.

НОВОСТИ СПОРТА

Новый норвежский способ катания на лыжах на одной ноге:

разумно соблюдается режим экономии (одна нога, если она не переломана, остается в резерве), а кроме этого очень весело для окружающих.

В ВИДУ УХОДА В КИНО-ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

пожилой романист сдает в аренду героиню очередного романа на тему о проблеме пола. Очень удобна для докладов, газетных статей и всякой другой черемухи.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ВЗАИМОПОМОЩЬ

Пенза. *Д.* Р-ову. „Можно ли — спрашиваете вы — при выделе имущества заменить киноленту лентой из пишущей машины?

ОТВЕТ. Наши юристы, не зная системы машины, затрудняются дать точный ответ, но полагают, что при уплате законных процентов сценаристу — можно.

Омск. Наде К. „Можно ли вызвать самоубийц, как свидетеля?“

ОТВЕТ. Да, если он не профессионал.

СОТРУДНИКИ и СОТРУДНИЦЫ БОЛЬШИНСТВА СОВ-УЧРЕЖДЕНИЙ С БОЛЬЮ ИЗВЕЩАЮТ О ТРАГИЧЕСКОЙ СМЕРТИ

Служебного времени

зря убитого этими сотрудниками в часы хождения в буфет, уборную, к телефону и т. д.

ПЕРЕСОЛИЛИ...

С конкурсами гармонистов несколько пересолили: так, например,— в Чене был устроен конкурс гармонистов.

Рис. Н. Радлова

ЛЕЗГИНКА ПОД ГАРМОНИКУ.

ТРЕПАК ПОД ЗУРНУ.

НАВЯЗЧИВАЯ ИДЕЯ

Это была очень дружная, веселая вечеринка, на которой мы собрались отпраздновать годовщину женитьбы одного из наших друзей. Вина на столе было достаточно для того, чтобы выветрить из наших повеселевших голов скучные заботы повседневности и зарядить их духом веселья и легкости, но этого количества явно не хватило бы для того, чтобы это состояние усилилось до пределов, правда, весьма эффектных, но не всегда рекомендуемых и обычно формулируемых так: море по колена.

После закуски начались развлечения. Хмурый словесник в старинных очках, молча с завидной методичностью уничтожавший без особого разбора все, что стояло на столе, вдруг оказался рубахой-парнем, душой общества и неподражаемым весельчаком. Он очень ловко рассказал несколько анекдотов, затем перешел на фокусы. Он знал их множество: тут были и волшебные карты, и исчезающая коробка спичек и многое другое.

В заключение он предложил следующую игру: говорить наоборот слова. И тут же стал показывать свое искусство. Публика наперебой кидала ему всевозможные слова от „трансцедентальный" до „дурак", и они сейчас же вылетали обратно из его незакрывающегося рта, но в каком виде — изуродованные, вывернутые наизнанку, нелепые...

Сначала игра понравилась. Скоро ее стали разнообразить тем, что слова подавались вывернутые, а уж филолог сам должен был их приводить в обычный вид.

— Лефтроп, — кричали ему, — тижел ан елотс.

— Портфель лежит на столе! — отвечал он немедленно...

Потом это надоело.

— Заткните ему рот чем-нибудь, — крикнул кто-то, — хотя бы яблоком!

— Моколбя, — немедленно спросил филолог, — умечоп моколбя?

Кое-как после долгих усилий все же удалось заставить его снова говорить по-человечески.

Мы возвращались домой, оживленно болтая о разных разностях, но вдруг я поймал себя на том, что машинально шевелю губами, выворачивая наизнанку какую-то языколомную вывеску Металлосиндиката.

Я мысленно выругался, но тут же подумал: „Любопытно, как это самое ругательство прозвучит, если взять его наоборот".

— А знаешь, — сказал мне внезапно мой сосед, — вот странная штука, хожу и представь — читаю вывески наоборот... Попробовал заставить себя не читать — не могу, сами глаза по ним бегают, — что поделаешь!

— Можешь себе представить, — я тоже! признался я.

— Что же это такое? — сказал он испуганно.

— Чорт его знает — навождение какое-то. Знаешь что, — предложил я, — давай попробуем заставить себя не думать об этом трюке. Забудем!

— Давай, — охотно согласился он, — я с удовольствием.

Через минуту я спросил у него:

— Ну, как?

— Да так, — ответил он, — ни черта. Как будто боевое задание получил: читай наоборот вывески да и только... А ты?

— И я.

Он выругался. Потом еще раз, но уже более мягкими нотками в голосе.

— А я придумал выход из этого „наоборотного положения". Ты знаешь какие-нибудь стихи — попробуй читать про себя — это здорово отвлекает. А то еще лучше вслух...

Я порылся в архиве своей памяти и из какого-то отдаленнейшего уголка ее вместе с таблицей умножения и осколками исключений второго склонения вынырнуло:

> „Птичка божия не знает
> Ни заботы, ни труда..."

Я с удовольствием, медленно и с чувством прочитал эти простые, бесхитростные строчки, от которых повеяло хорошим ароматом дорогих и безвозвратно ушедших дней. Только я собрался перейти к следующим строчкам, о том, что птичка божия

> „Хлопотливо не свивает
> Долговечного гнезда",

как приятель остановил меня:

— Постой... Не знает... знает — теанз... Вот звучно выходит!

— Верно, — а „гнезда" еще эффектнее!

— Адзенг! — подхватил он.

Мы с расширенными от ужаса глазами переглянулись.

— Что же это будет? — спросил он дрогнувшим голосом.

— Отч еж тедуб, — немедленно как это отозвался я, — это ужасно.

— Отэ онсажу! — сейчас же согласился приятель.

Тяжело застонав, он протянул мне руку:

— Яинадивс од!

— Йащорп, — ответил я, сдерживая рыдания, — йащорп!

* *
*

Резкий звонок заставил меня подпрыгнуть на постели и приложить к уху холодную телефонную трубку:

— Олла!

— Йырбод ьнед, — услыхал я в ответ, — как ты?

— А ты?

— Ужасно. Этому кошмару никогда не будет конца.

— Что же делать?

— Пойдем к доктору.

— А ты думаешь — доктор поможет?

— Юамуд, — сказал он далеко неуверенным тоном.

Через час мы сидели у опытного психиатра и рассказывали ему, как не можем отделаться от этой нелепой и странной манеры представлять себе слова справа налево.

— Аварпс овелан, — сочувственно переспросил врач, — я это знаю. Это одна из разновидностей необ'яснимого еще психического явления, которое называется — навязчивая идея. Обычно оно принимает форму какого-нибудь мотивчика, который все время вертелся у вас на языке и вы все время — хотите или уже не хотите — автоматически напеваете его и никак не можете от него избавиться. Иногда это стишок, который вы все время упорно твердите и чем больше желаете его забыть и выкинуть из головы, тем упорнее он там копошится. Это довольно неприятная вещь.

— Впрочем, отчаиваться нечего, — сказал он, взглянув на наши побледневшие лица. — Есть одно средство — иногда оно помогает: постарайтесь кому-нибудь передать эту самую манию, лучше всего через печать. Как только она перейдет к другим — от нее избавитесь вы. Так как вы литераторы — вам это будет удобно сделать в форме рассказа...

Теперь, когда рассказ скоро прочитают десятки тысяч людей, наряду с радостью по поводу предстоящего избавления от этой болезни, мы терзаемся угрызениями совести за всех тех несчастных, которые падут жертвой нашего освобождения.

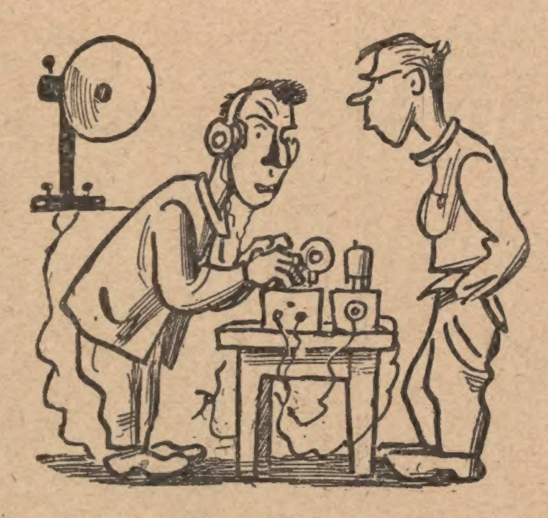
Но что делать — своя рубашка ближе к телу!

Сергей Карташов

ТО-ЖЕ САМОЕ

В Европе новая волна забастовок.

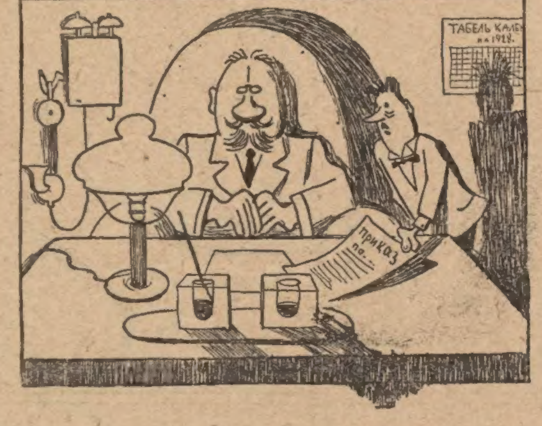
Рис. Н. Р.

— Ну, какая волна из Европы?
— Да как обычно: забастовочная!

БЕССТРАШНЫЙ

Рис. Б. М.

— „Я даже к самому начальнику обращаюсь не с просьбами, а с приказами: „Благоволите подписать!" и ... никаких!".

ТАЙНА ЗАВКАНЦА

Заведующий поссорился со своим помощником. Из-за этого бухгалтер Сердюков ходил скучный и всем говорил грудным голосом:

— Боже мой, боже мой!.. И во что это все выльется?

Из-за этого сотрудники нервничали и чувствовали себя, как на вулкане.

— Мне кажется, что вот-вот должно произойти что-то такое ужасное,— говорила старшая машинистка.

— И мне тоже кажется, что вот-вот должно что-то такое треснуть, — соглашалась со старшей машинисткой регистраторша Фуфайкина.

Когда секретарь Сосунов мчался из кабинета заведующего в кабинет помощника и обратно, его по дороге сотрудники перехватывали и умоляли:

— Ну, что? Что слышно?!

Он махал безнадежно руками и бежал дальше.

— Боже мой, боже мой, и во что это только все выльется — выл бухгалтер и качал печально своей лысой головой.

Сегодня, когда сотрудники обступили тесным часток лом секретаря и спрашивали:

— Ну, что? Что? Помирились?

Он махнул безнадежно рукой и сказал трагически:

— Перестали уже между собой и по телефону разговаривать. Переписываются...

В этот же день бухгалтер говорил заведующему:

— Что же это вы, братцы, а... плюньте.. сказал-мазал...

Но заведующий так глянул на него, что бухгалтер с'ежился и запел:

— Молчу, молчу... Нас это не касается. Все к лучшему, как говорили римляне.

Через полчаса бухгалтер говорит помощнику заведующего:

— Что-ж это вы, братцы, а... плюньте... сказал-мазал.

Но помощник так глянул на него, что он только с'ежился и пропищал:

— Молчу... молчу... Нас это не касается. Все к лучшему — как любил говаривать мой дед, крестьянин-бедняк...

Заведующий сказал про помощника:

— Мальчишка, он думает, если у него в центре имеются родственники, так я ему позволю себе сесть на голову.

Помощник сказал про заведующего:

— С бюрократами надо бороться до конца. Я не цепляюсь за свое место, но так этого дела не оставлю. Мне все известно...

Три заведующих отделами и бухгалтер, возвращаясь домой после службы, сказали в один голос:

— Надо их помирить во что бы то ни стало.

— Давайте хоть у меня соберемся сегодня вечером и побалакаем и раскумекаем все это дело,— предложил бухгалтер.

— Идет,— согласились заведующие.

И в 8 часов вечера они вчетвером обсуждали этот наболевший вопрос. Первым говорил бухгалтер:

— Надо как можно скорее их помирить, иначе все это выльется на нашу голову... В случае, не дай бог же, прихода на их место нового начальства... А, как мы знаем на опыте, новое начальство всегда начинает проявлять инициативу, а это значит сокращение штатов, затем увеличение, или иначе говоря — всех нас по боку, а своих, которых у каждого начальства есть до чортовой...

— Все это мы знаем, не хуже вас,— перебили бухгалтера зав. отделами.

— Давайте конкретные предложения, а трепаться зря нечего...

— Вот и давайте подумаем,— сказал бухгалтер и замолчал.

— Ну-с, у кого есть на этот счет какие предложения? Выкладывайте,— спросил заведующий канцелярией.

— Как у Гоголя — столкнуть их,— предложил завучетом.

— Ничего с этого, батенька, не получится... тут нужны более современные методы... Может быть, попробовать через их жен...— нерешительно предложил зав. плановым отделом...

— Не то, не то,— вскрикнул завканц.—Придумал! Есть! Надо вот что сделать — надо припугнуть их ревизией.

— Ну и что?— спросили в недоумении остальные.

— Как так что? Несчастье всегда людей сближает. Они и помирятся.

— А, что-ж, это, пожалуй, идея?—согласился бухгалтер.

— Да, но как ее оформить?..

— Оформление и все остальное я беру на себя. От вас требуется только благословения,— сказал завканц.

— Что-ж, если ничего другого нет, так давайте на этом и остановимся, — предложил завед. плановым отделом.

А через два дня уж медленно ходил сияющий сектетарь из кабинета заведующего в кабинет помощника. Сотрудники говорили о погоде, театре и сливочном масле и при виде проходящих мимо них в обнимку помощника и заведующего, сердца их радовались и ликовали...

Бухгалтер угощал пивом заведующего канцелярией и говорил ему:

— Молодчага! Если-б не твоя башка, до сих пор жить бы нам на вулкане и трястись. Дай твои пять!.. Дай я тебя поцелую!—он жал ему руку и целовал его. Растроганный завканц плакал и откровенничал:

— Я еще и не так могу, хочешь—могу их поссорить, хочешь—могу их помирить..

— А кто их поссорил, знаешь? Я их поссорил... Скучно мне как-то стало, и поссорил. Пришел в кабинет к заведующему и говорю:— Между прочим ходят слухи, что вы от нас скоро того... Зачем сказал, не знаю, так, просто, чтоб что-нибудь сказать, и еще заявил — говорят будто ваш помощник на ваше местечко метит... А помощнику я сказал:— Жаль, говорят вы от нас уходите... Вот и поссорились — И неожиданно, хлопнув по плечу бухгалтера, он крикнул:— Хочешь, дружище, поссорю тебя с заведующим, с чортом, с кем хочешь...

У бухгалтера задрожала нижняя губа, и он плаксиво проговорил:— Не хочу, не хочу ни с кем ссориться. Не хочу.

— То-то, голуба, чорт лысый, тогда закажика еще пивца.

Б. Левин

БЛАГОРОДНЫЙ ЯНКИ

Рис. Б. Ефимова

Европа плохо платит Америке долги.

— Почему вы, американцы, недолюбливаете нас, европейцев?
— Видите ли, у вас плохо развито чувство долга.

БОРЬБА ЗА ПРАВО

Рис. Н. Радлова

Наркомздравом согласован с наркомвнуделом список болезней, дающих право на дополнительную площадь, сверх установленной общей нормы. В числе болезней числится также и душевное заболевание.

— Я требую дать мне дополнительную площадь: я—сумасшедший!
— На каком основании вы это говорите?
— А разве можно не сойти с ума на этой крошечной жилплощади, которую я сейчас занимаю?!!

СМЕХАЧИНА

На помещенные ниже пятнадцать вопросов предлагается ответить читателям „Смехача".

За наиболее остроумные ответы будут выданы десять премий:

5 годовых комплектов „Смехача" за 1927 год в роскошных переплетах и 5 годовых комплектов „Сатирической библиотеки „Смехача" за 1927 год, составляющей 24 книги юмористических иллюстрированных рассказов русских и иностранных авторов.

О результатах конкурса будет об'явлено в № 15 нашего журнала.

1. Как ваша фамилия?
2. Какими судьбами?
3. Почему Черное море не называется Азовским?
4. Перечислите десять незаслуженных артистов.
5. Какой писатель не получил хвалебного письма от М. Горького?
6. В чем дело?
7. Решите проблему пола в двух словах.
8. За что вы сидели в первый раз?
9. Почему многие таланты не зарыты в землю?
10. Когда волнуется желтеющая нива?
11. Где кирпич образует проход?
12. Назовите первого п о п а в ш е г о с я кооператора.
13. На что вы намекаете?
14. В чем смысл жизни лектора, читающего лекцию „В чем смысл жизни?"
15. Зачем, зачем любить? Зачем, зачем страдать?

Больше вопросов не имеем.

ЗА МОРЕМ ТЕЛУШКА

Рис. А. Радакова

Советские галоши успешно экспортируются заграницу.

— Извиняюсь, а сколько будет стоить коллективная виза в Берлин? Здеся, в „Треугольнике", когда еще очередь до нас дойдет?..

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

Породившая „Смехачину" огоньковская „Викторина" с каждым днем заражает все новые и новые газеты и журналы. При этом обнаруживаются умственные способности редакций.

Ленинградская газета „Кино" (№ 5) тоже вышла с кино-викториной. Среди вопросов имеются такие, которые характерны скорей для кино-идиотины:

Кто играл роль боксера в „Сломанной лилии"?

Назовите все существующие в СССР кино-организации.

Какая кино-организация выпустила фильму „Мать"?

Надо думать, что „Викториной" суждено переболеть всем без исключения газетам и журналам.

Издания, занимающиеся статистикой, по всей вероятности будут предлагать следующие вопросы:

Какое количество снежинок (нужна т о ч н а я цифра) падает на земной шар в течение зимы?

Сколько раз буква „а" повторяется в романе Л. Толстого „Война и мир"?

Кто первый сказал вместо „статистическое бюро" — „статбюро"?

*

В последней книжке „Нового Лефа" некий Л. Кассиль занялся неумеренным восхвалением В. Маяковского.

Прочел я „Левый марш" Маяковского. Много раз слышал и усвоил, сколько мог, его манеру.

Возбужденные глаза, и слышно, как электростанция гудит.

— Замечательно!

— Силища какая!

У безрукого немца движение... зааплодировать ногами.

Как известно, В. Маяковский — редактор журнала „Новый Леф".

На страницах э т о г о журнала не следовало бы говорить даже о поклонниках В. Маяковского, аплодирующих руками; Л. Кассиль, чтобы угодить своему редактору, счел нужным написать о его поклонниках, аплодирующих... ногами!

*

Что мог бы показать новый цирк?

На эту тему в последнем номере журнала „Цирк и Эстрада" помещена статья, из которой приводим следующий любопытный отрывок:

Огромная, преимущественно, трудовая масса, наполняющая цирк, с особенным удовольствием встретит в цирке близкие, обиходные явления, претворенные в мастерское, виртуозное искусство циркового актера.

Старые образцы цирка должны заменяться новыми. И эти образцы надо искать в трудовых явлениях.

Предположим следующий номер: на арену выносят одну или две доски. Актер с диковинной быстротой (в 8—10 м.) изготовляет на глазах у зрителя табурет или скамью (скамью легче сделать).

В Москве, у Красных ворот, ежедневно предлагают свой труд высоко-квалифицированные плотники.

Многие из них подолгу, но безуспешно ищут работы.

Бедные! Они не знают, что их ремесло в настоящее время — аттракцион и что их настоящее место — не у К р а с н ы х, а у... ц и р к о в ы х ворот!

*

В 13 сборнике „Недра" Марк Тарловский перевоплотился в... петуха, который давится горошиной:

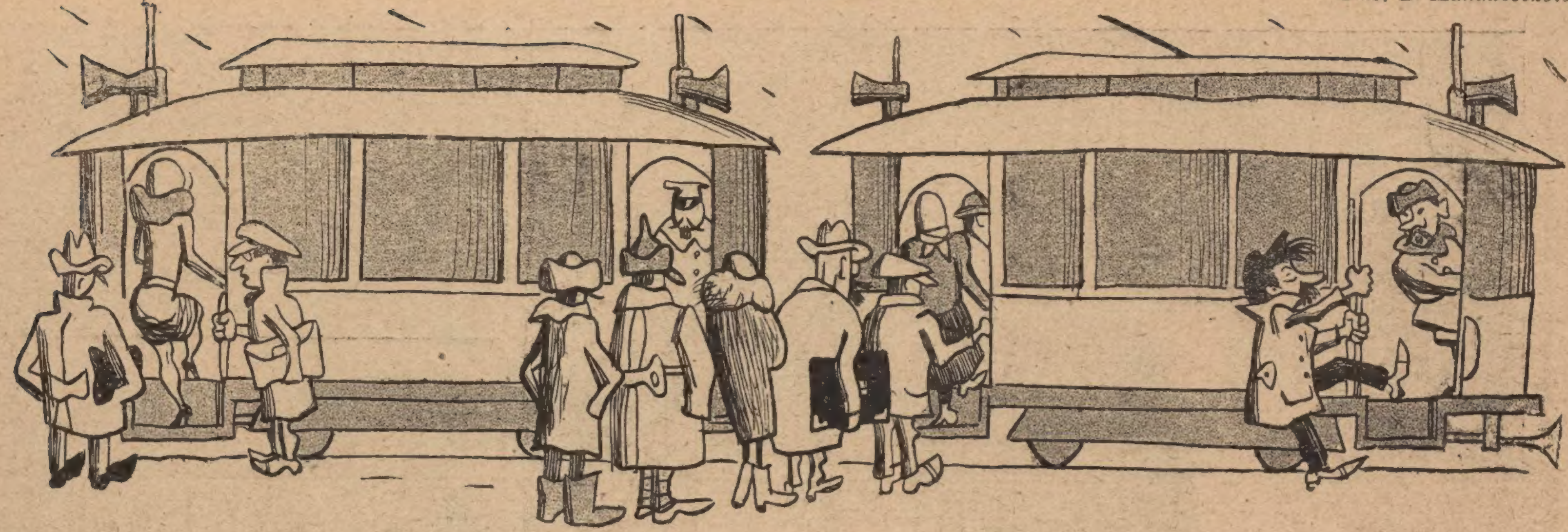
.. стесненный злобою,
Способный только к тумаку,
Немыми крыльями я хлопаю,
А кукурекать не могу...

Не так это просто — кукурекать!

Это вам не стишки писать в сборниках „Недра", — для кукуреканья нужна высокая квалификация!..

НА ОСТАНОВКЕ

Рис. Б. Малаховского

— Эй, гражданин! С передней площадки вход воспрещен!
ПЬЯНЫЙ: – Молчи!.. А ты почему знаешь, в какую сторону я собираюсь на этом вагоне ехать?

40 ЧЕЛОВЕК И 8 ЛОШАДЕЙ

КРАСИВАЯ ЖИЗНЬ

Педагоги школы пластики, основанной Айседорой Дункан, в письме, адресованном в московский Отдел Народного образования, уверяют, что

в результате школьного воспитания дети приучились быть красивыми людьми в жизни.

Что эти педагоги понимают под „красивой жизнью"—видно из материалов обследования этой школы:

Среди учащихся школы царит раздор. Старшие ученицы участвуют в ужинах, катаются на автомобилях, им преподносят цветы и фрукты.

Взаимоотношение между учебно-административным персоналом и студийками склочное. Моральная обстановка нездоровая.

Красота!

Только почему это заведение именуется школой?

Загляните в толковый словарь русского языка Даля. Там эти дома иначе называются.

СДВИНУТЬ С МЕСТА

Из Свердловска сообщают:

Ревдинский рабочий—кандидат в члены ЦИК'а СССР—Голубятников появляется часто среди рабочих в пьяном виде и, бахвалясь своими похождениями, самоуверенно заявляет

— Я член ЦИК'а, меня никто не имеет права арестовать!

Как член правительственного органа, Голубятников не пользуется авторитетом и не имеет влияния на массы.

— С выдвижением ошиблись!— говорят рабочие.

Ну, что-ж!

Никто еще, правда, не открыл тайны „перпетуум мобиле"— вечного движения. Но Голубятникову следует раз'яснить, что существует также закон „вечного выдвижения".

Сегодня выдвинули,—завтра передвинут.

Сегодня выдвижение,—завтра передвижение в какие-нибудь места, не столь отдаленные от территории похождений Голубятникова, но весьма далекие от того высокого учреждения, куда он по недоразумению попал.

У КОГО ЧТО БОЛИТ...

Саратовское губоно начинает применять термины своего Наркомата даже к вещам неодушевленным. Были каникулы для учащихся,— пусть будут и у дров.

Горчасть губоно просит сообщить, какие дровяные каникулы предполагается устроить, в связи с выдачей дров техническим служащим, какое количество для этой цели выдано дров и на сколько технических служащих.

Зав. горчастью — Валов.

Будет так:

— Достала матрикулу на сажень березовых, а в сарае вакансии нет, класть некуда.

— А на соседний факультет сложите... у Дарьи Павловны...

БОЛОТО В ЛЕСУ

Не всегда из-за леса деревьев не видно.

Дерево, написавшее пролог к „Лесу" Островского, идущему в Пермском театре, заслонило „Лес".

Вот владелица „Леса" Гурмыжская — зверь.
Ее добродетели, зритель, не верь.
В уме ее—только Аксюшу зажать (?!?).
Петровская будет с успехом играть.
Зовется Григорий, отец-иерей,
Сыграть Гордиевский желает скорей (?).
А вот вам влюбленного парня портрет,
Боится отца, хотя 20 уж лет,
При тятеньке трус, без него он смелей,
Троицкий Юрий сыграет ей-ей (!!).

Заканчивается пролог так:

Мы публику просим всем сердцем, душой
Критический взгляд нам высказать свой,
Нам критика ваша полезна, нужна,
У зрителя с рампой связь быть уж (!!) должна.

В том же прологе находим следующее утверждение:

Островский уж ожил, Островский уж жив,
Темой, трактовкой доволен, счастлив (?!?).

Не потому ли, что Островский, после постановки этого пролога, перевернулся в гробу,— автор вывел заключение, что он ожил?

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Калуга — Валентину.

Я полагаю, что мою рукопись поглотила двухголовая гидра безответственного протекционизма бюрократически извращенных редакций.

Двухголовая гидра редакции прочла ваши строки:

Средь криков радости, восторженных похвал и гимнов Октябрю, шаблонно затверженных,
...Не слышу почему клич желанный сочувствия...

Кому бы вы думали?

Автору бредового стихотворения.

Гидра отказывается проглотить ваши стихи,— боится, что стошнит! Да и сама редакция очень просит не кормить ее впредь своими стихами.

Курск — Соне Ш.

Посылаю стихи, которые я написала в поезде. Я ехала в поезде в первый раз в жизни и мне очень понравилась быстрая езда. Поэтому я решила послать стихи в „Смехач"— ведь журнал всюду распространен и его любят читать

Дорогая Соня, вы не курьерский поезд — и вам торопиться нечего! Подучитесь немного, познакомьтесь со стихосложением и тогда только посылайте в редакцию „Смехача" свои стихи.

Нам также нравится ездить в поезде!

Харьков — Главный почтамт, № 17088.

У меня безумное желание сотрудничать в „Смехаче".

Остановитесь, безумец № 17088! Уже по одному своему номеру вы можете судить, сколько таких же безумцев обращается в „Смехач". Отбоя от безумцев нет. Особенно от неграмотных безумцев!

Издатель — „ГУДОК". Отв. редактор — И. Н. Пирогов.

Главлит № А—6.582. Отпечатано в 7-й типографии «Искра Революции» Мосполиграфа. Москва, Арбат, Филипповский пер., 13. Тираж 110.000.

Рис. В. Козлинского

СОВРЕМЕННОЕ ДИТЯ

МАТЬ: — Ишь ты, как ребенок орет! Никак не успокоить!
КООПЕРАТОР: — Жалобную книгу, должно быть требует: молоко, верно, не нравится!